

НИКИТА КЛИМОВ

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕСЛУЧИВШЕГОСЯ

ХРОНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ РОМАН

Никита Климов

Презумпция неслучившегося

<https://litres.ru/74672792>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать два года назад человечество научилось сбрасывать реальность внутри экранированных мегаполисов на пятнадцать минут назад — к последнему квантовому чекпойнту. Разбитая чашка снова цела, пуля снова в обойме, а жертва жива и пьёт свой эспрессо, но есть один нюанс: память всех участников в нейроякорях полностью сохраняется.

Марк Левин — лучший в Женеве адвокат по сослагательным делам, защищающий людей за преступления, совершённые в отменённых черновиках времени. Когда создатель технологии академик Юлиус Ван дер Бек вызывает его в закрытый альпийский купол «Лагранж-Альфа», чтобы заверить парадоксальное завещание, происходит невозможное: академика убивают, но каждый пятнадцатиминутный откат времени не спасает его, а сокращает его жизнь ровно вдвое. У Марка и криминалиста Ксении Морозовой есть всего шесть петель, чтобы переиграть убийцу, превратившего сам механизм спасения в орудие идеального преступления.

Содержание

Глава 1. Убийство средней тяжести с правом на апелляцию	4
Глава 2. Пятнадцать минут до вечности	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Никита Климов

Презумпция неслучившегося

Глава 1. Убийство средней тяжести с правом на апелляцию

В юриспруденции двадцать первого века самым неприятным обстоятельством считалась смерть потерпевшего: он переставал являться на заседания, не мог уточнить показания и вообще вёл себя крайне неконструктивно. В веке двадцать втором проблема развернулась ровно на сто восемьдесят градусов. Теперь потерпевшие по делам об умышленном убийстве являлись в суд лично, в свежих сорочках, с термокружками миндального латте в руках, и первые сорок минут слушаний обычно уходили на то, чтобы удержать их от попытки дать показания одновременно со своим убийцей.

— Ваша честь, я протестую! — звонко выкрикнул потерпевший Бруно Кастеллани, вскакивая со скамьи гражданских истцов во Втором муниципальном трибунале Жене-вы-Нова. — Подсудимый лжёт! Когда он перебросил меня через перила террасы на восемьдесят четвёртом этаже, в его

глазах не было никакого «состояния внезапного аффекта»! Во второй раз — возможно, там он хотя бы извинился перед тем, как пнуть меня под колено. Но в третьем черновике он специально сверился с наручным хронометром, чтобы убедиться, что до пятнадцатиминутного чекпойнта остаётся достаточно времени на полёт до тротуара!

Судья Клара Мейер устало потёрла переносицу под оправой поляризационных очков и посмотрела на защитника.

Марк Левин сидел за столом защиты с видом человека, который ещё в девять утра понял про человеческую природу всё, что требовалось, а к одиннадцати тридцати заскучал от повторов. На его лацкане тускло поблёскивал серебряный значок Коллегии сослагательных поверенных — миниатюрные весы Фемиды, одна чаша которых отбрасывала тень в противоположную от источника света сторону.

— Господин Левин, — сухо произнесла судья Мейер, — у защиты есть что возразить по существу третьего эпизода дефенестрации? Или ваш доверитель и дальше намерен утверждать, что трижды подряд выбросил своего старшего партнёра по хедж-фонду с крыши ресторана «Панорама» исключительно в рамках стресс-тестирования корпоративной лояльности?

Марк неторопливо поднялся, застегнул верхнюю пуговицу тёмно-серого пиджака и повернулся лицом к залу.

Ему было тридцать девять лет, из которых первые двенадцать взрослой жизни он отдал экспериментальной кван-

товой метрологии в Институте Причинности, а оставшиеся девять — разгребанию юридических последствий того, что его бывшие коллеги-физики подарили человечеству. Смена профессии далась ему легко: после уравнений нелинейной декогеренции вакуума Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарской конфедерации казался детской книжкой с картинками, хотя и написанной людьми с явным расстройством причинно-следственного мышления.

— Ваша честь, защита ни в коей мере не оспаривает баллистическую траекторию господина Кастеллани в итерациях один, два и три цикла «четыренадцать ноль-ноль — четырнадцать пятнадцать» от двенадцатого октября, — ровным, вежливым баритоном начал Марк. — Более того, мой доверитель, господин Хенрик Фогель, полностью признаёт, что трижды оплатил со своего корпоративного счёта муниципальный тариф локальной релаксации сектора «Женева-Центр» в размере четырёх миллионов двухсот тысяч франков за каждый сброс реальности к чекпойнту четырнадцать ноль-ноль. Итого — двенадцать миллионов шестьсот тысяч франков прямых бюджетных поступлений, благодаря которым, смею заметить, в этом зале сегодня так приятно работает климат-контроль.

В наушнике Марка раздался тихий, бархатистый голос с безупречным оксфордским выговором — это подал реплику «Сократ-7», его персональный аналитический ИИ, которого Марк за занудство и любовь к стоикам переименовал в Се-

неку:

«Марк, судья Мейер в прошлом квартале голосовала против привязки судебных издержек к муниципальному сбору за релаксацию. Вероятность того, что эта шутка улучшит её настроение, составляет четыре целых и две десятых процента. Рекомендую перейти к статье сто пятой со значком бис».

Марк едва заметно повёл плечом и продолжил, глядя прямо на побагровевшего истца:

— Однако давайте разграничим физику и лирику. Что именно вменяет сторона обвинения моему клиенту? Умышленное причинение смерти в сослагательном наклонении, отягчённое трёхкратным рецидивом внутри одного пятнадцатиминутного окна. Звучит страшно. Почти как в девятнадцатом веке у Достоевского, только без старухи, без топора и, что самое восхитительное в нашей правовой системе, без покойника. Посмотрите на господина Каstellани. Пульс — семьдесят восемь ударов в минуту, лёгкая тахикардия вызвана исключительно третьей порцией кофе и праведным гневом. Кожные покровы целы. Кости черепа не имеют даже микротрещин, поскольку каждое из трёх его столкновений с гранитной мостовой площади Рон было редуцировано фазовым откатом за две минуты до фиксации чекпойнта четырнадцать пятнадцать.

— Но я помню, как падал! — возмущённо выкрикнул Каstellани, ударив ладонью по дубовому барьеру. — Три раза подряд! Вы хоть представляете, каково это — лететь восемь-

десять четыре этажа вниз, зная, что внизу брусчатка, и понимать, что страховой бот нажмёт релаксацию только после того, как зафиксирует прекращение мозговой активности?! Это восемь секунд свободного падения! Восемь на три — двадцать четыре секунды чистого ужаса в моём гиппокампе!

— Двадцать две и четыре десятых с учётом сопротивления воздуха и плотности вашего кашемирового пальто, — мягко поправил Марк. — И защита вовсе не отрицает факт нанесения вам субъективного мнемонического дискомфорта. Но позвольте задать вам один вопрос, господин Каstellани. После того как в четырнадцать ноль-ноль реальность откатилась в первый раз — когда вы снова оказались за столиком на террасе с целым бокалом сабли в руке, прекрасно помня, что минуто назад господин Фогель перекинул вас через балюстраду, — почему вы не встали и не ушли к лифту?

В зале повисла короткая, звонкая тишина. Даже секретарь судебного заседания подняла взгляд от голографического протокола.

Каstellани моргнул, открыл рот и снова закрыл его.

— Я... мы обсуждали опцион на пакет акций «Гелиос-Биотех», — пробормотал истец уже гораздо менее уверенно. — Я решил, что Хенрик просто сорвался... выпустил пар. В нашем кругу многие используют первый черновик пятнадцатиминутки для жёсткого позиционирования на переговорах.

— Прекрасная формулировка, — кивнул Марк с лёгкой, почти сочувственной улыбкой. — «Жёсткое позициониро-

вание на переговорах». То есть после первого падения с восьмьдесят четвёртого этажа вы добровольно остались за столиком и подняли цену пакета акций на двенадцать процентов, рассчитывая, что второй раз господин Фогель платить четыре миллиона за релаксацию поспежит?

— Это была законная переговорная стратегия! — вмешался прокурор Жан-Люк Дельма, поднимаясь со своего места. — Закон не обязывает жертву черного насилия покидать помещение после первой релаксации! Гражданин имеет конституционное право находиться в любой точке пространства-времени внутри пятнадцатиминутного окна!

— Безусловно, господин прокурор, — согласился Марк. — Гражданин имеет полное право стоять на рельсах перед приближающимся экспрессом, особенно если у него в кармане полис «Атропос-Реверс Премиум». Но когда после первого свидания с асфальтом господин Каstellани не просто остаётся у перил, а во втором черновике сам подходит к краю террасы со словами: «Ну давай, Хенрик, у тебя на счету не хватит ликвидности скинуть меня ещё раз до четверти третьего!» — что, замечу, дословно зафиксировано акустическим буфером официанта, чей нейроякорь мы приобщили к материалам дела на странице сорок второй, — это уже не убийство в сослагательном наклонении. Это статья двести четырнадцатая Гражданского уложения: обоюдный венчурный торг с использованием гравитации в качестве аргумента.

В заднем ряду зала кто-то негромко фыркнул. Марк даже

не стал оборачиваться — он точно знал, кто это. На крайней скамейке у выхода, закинув ногу на ногу и листая в воздухе полупрозрачный спектр фазовой криминалистики, сидела Ксения Морозова.

Судья Мейер постучала электронным молоточком по сенсорной панели, гася смешки присяжных-консультантов.

— Допустим, господин Левин, во втором и третьем черновиках имела место провокация со стороны потерпевшего, — произнесла судья. — Но первый-то сброс с балкона произошёл без всякого предупреждения!

— О, по первому эпизоду защита полностью солидарна с высоким судом, — тут же поклонился Марк. — В первой итерации действия моего доверителя представляют собой классическое хулиганство первой фазы с использованием потенциальной энергии поля тяжести Земли. Поскольку физический ущерб к моменту чекпойнта четырнадцать пятнадцать равен абсолютному нулю, а моральный вред в двадцать две секунды свободного падения господин Каstellани сам оценил в двенадцать процентов премии к стоимости опциона, защита предлагает переквалифицировать деяние со статьи «Черновое посягательство на жизнь» на статью «Нарушение регламента высотных переговоров без предварительного уведомления страхового брокера». Штраф в пользу города — пятьсот тысяч франков, принудительная блокировка права на личный откат сроком на полгода и оплата психотерапевтического дефазирования памяти истца, если

господин Кастеллани пожелает забыть вид Женевского озера сверху вниз.

— Если мне сотрут память об этих пятнадцати минутах, я забуду и то, что он согласился на мои двенадцать процентов в четвёртом, финальном черновике! — тут же выкрикнул Кастеллани.

Марк развёл руками и посмотрел на судью с выражением кроткой печали:

— Видите, ваша честь? Трагедия современного человека. Умереть три раза подряд за четверть часа ему страшно, но забыть удачную сделку — совершенно невыносимо. Защита закончила.

Решение заняло у судьи Мейер ровно четыре минуты — как раз чтобы уложиться до двенадцатичасового чекпойнта, о приближении которого мягким янтарным свечением предупредили кольцевые индикаторы под потолком зала. Когда прозвучал еле слышный низкий аккорд — «Гонг Фиксации», означавший, что события с `11:45` по `12:00` окончательно сброшены из квантовых буферов в необратимую историю и пересмотру больше не подлежат ни за какие деньги, — Хенрик Фогель уже пожимал руку Марку, рассыпаясь в благодарностях, а Бруно Кастеллани на другом конце зала деловито подсчитывал на планшете компенсацию за «двадцать две секунды экзистенциального полёта».

В коридоре Дворца правосудия пахло озоном, старым паркетом и пресной альпийской водой, которая циркулировала в стенах здания, охлаждая локальные узлы синхронизации.

— Знаешь, Левин, когда-нибудь тебя самого сбросят с восьмьдесят четвёртого этажа, — сказала Ксения Морозова, поравнявшись с ним у кофейного автомата. — Причём делают это за три секунды до гонга фиксации, чтобы ни один диспетчер не успел дотянуться до красной кнопки. И знаешь, что самое грустное? В некрологе напишут: «Он летел с безупречной процессуальной позицией».

Марк взял из ниши автомата бумажный стаканчик с чёрным фильтр-кофе, передал его Ксении, а себе заказал второй.

Ксении был тридцать один год, она возглавляла сектор энтропийной трасологии при Кассационной Палате Причинности и обладала редким для государственного эксперта свойством: она не верила ни единому слову ни обвинения, ни защиты, пока не проверяла остаточный спиновый шум на месте происшествия. На переносице у неё сидели узкие титановые очки с двойными линзами — обычными и фазовыми, а тёмные волосы были собраны в небрежный узел, сколотый

длинным стилусом от криминалистического сканера.

— Не дождёшься, Ксю, — ответил Марк, отпивая обжигающий кофе. — По статистике «Атропос-Реверс», адвокатов по сослагательным делам убивают в финальном черновике в семь раз реже, чем прокуроров. Знаешь почему?

— Потому что у вас нет совести, и вы не тонете в фазовом вакууме?

— Потому что убийца всегда рассчитывает, что в случае осечки я вытащу его по статье о «непреодолимой флуктуации умысла». Убивать собственного потенциального защитника до оглашения приговора — это дурной тон и крайне нерентабельная инвестиция. Какими судьбами в муниципальном суде? Твой уровень — это когда кто-то пытается взломать городской чекпойнт или провернуть инсайдерский арбитраж на бирже за полсекунды до сброса.

Ксения сделала глоток, поморщилась от горечи его кофе без сахара и достала из кармана плаща плоский серебристый жетон с гербом закрытого научного анклава.

— Я здесь не по делам трибунала, Марк. Я за тобой.

Марк остановился посреди мраморного холла. Вокруг них спешили к выходу присяжные, клерки и страховые комиссары — все те люди, чья работа появилась тридцать два года назад, когда академик Юлиус Ван дер Бек открыл петлю метрической релаксации и превратил время из улицы с односторонним движением в черновик с функцией отмены последнего абзаца.

— Это жетон допуска «Лагранж-Альфа», — негромко произнёс Марк, глядя на гравировку в виде замкнутой восьмёрки Мебиуса, пересечённой вертикальной чертой. — Верхний купол над Монбланом. Туда не вызывают муниципальных адвокатов, Ксю. Там собственная юрисдикция Совета по Причинности.

— Сегодня вечером там открывается чрезвычайная сессия Комиссии по расширению горизонта, — сказала Ксения, понизив голос так, чтобы её не слышали даже проходящие мимо судебные приставы. — Элен Валуа и синдикат «Атрос-Ревёрс» выносят на голосование проект «Глубокий Горизонт». Увеличение стандартного окна релаксации с пятнадцати минут до двадцати четырёх часов.

Марк медленно присвистнул. В его наушнике тут же отозвался Сенека:

«Справка: при переходе от пятнадцатиминутного цикла к суточному объём аннулируемых правоотношений возрастает в девяносто шесть раз линейно и в девять тысяч двести шестнадцать раз комбинаторно. По моим расчётам, Марк, понятие брака, кредитного договора и трезвого утра перестанет существовать в течение первых сорока восьми часов после запуска».

— Двадцать четыре часа, — вслух повторил Марк. — Они сошли с ума. Пятнадцать минут человеческая психика ещё кое-как переваривает: ты помнишь отменённую ссору или неслучившуюся аварию как очень яркий, неприятный сон

наяву. Но если людям начнут откатывать целые сутки с сохранением памяти в нейроякоре... К концу первой недели половина населения Женева будет путать, в каком из вариантов вторника они развелись, в каком уволились, а в каком похоронили тещу. Но при чём здесь я?

— Полчаса назад по закрытому правительственному каналу пришёл запрос от самого Юлиуса Ван дер Бекка, — Ксения протянула ему жетон. — Он потребовал двух человек из внешнего периметра к восемнадцати тридцати. Меня — как независимого эксперта Палаты с правом опечатывания квантовых регистров. И тебя — как личного поверенного.

Марк взял холодный металлический кружок. На обратной стороне светилась одноразовая криптографическая подпись академика и время истечения допуска: `18:45:00`.

— Юлиус Ван дер Бек не пользовался услугами частных юристов с две тысячи девяносто четвёртого года, когда запатентовал фазовый якорь и передал права трасту Института, — задумчиво проговорил Марк. — Зачем семидесятичетырёхлетнему классику физики, который сам написал половину технических регламентов этого мира, понадобился специалист по преступлениям, которых не было?

— В запросе была только одна строчка, написанная им от руки на старом оптическом планшете, — ответила Ксения, и в её серых глазах за тонкой оправой очков впервые за весь разговор мелькнула тень настоящей тревоги. — Он написал:

«Мне нужно составить завещание на случай моей смерти, которую никто не сможет доказать, потому что она произойдёт в реальности, которой никогда не существовало».

Марк посмотрел на свои механические наручные часы — старый хронограф без фазового синхронизатора, который он носил по привычке физика-экспериментатора, — а затем перевёл взгляд на табло под куполом Дворца правосудия.

Шёл второй минутный цикл четвёртого часа пополудни.

— Сенека, — негромко сказал Марк. — Отмени мою вечернюю консультацию с банкиром, который хотел засудить собственную жену за измену, совершённую в отменённой пятнадцатиминутке во время сбоя электросети.

«С удовольствием, Марк, — отозвался ИИ в наушнике. — Тем более что с точки зрения формальной логики Аристотеля рога, наставленные в редуцированной ветке времени, имеют нулевую массу покоя, хотя и бесконечную парусность в бракоразводном процессе. Билеты на стратосферный фуникулёр до станции "Шамони-Вертикаль" уже забронированы. До отправления тридцать восемь минут».

— Поехали, Ксю, — Марк спрятал жетон во внутренний карман пиджака. — Когда человек, подаривший миру бессмертие с шагом в пятнадцать минут, начинает писать завещание в сослагательном наклонении — это значит, что кто-то нашёл способ убивать наверняка.

За полчаса до дела о трёхкратной дефенестрации Бруно Кастеллани Марк успел закрыть в том же зале ещё одно слушание — куда более мелкое по сумме иска, но ничуть не менее показательное для нравов эпохи развитой ретрокаузальности.

Судились супруги Делакруа, владельцы антикварной галереи на улице Корнавен. Суть претензии сводилась к классической коллизии статьи семьдесят четвёртой Семейного уложения: в прошлый четверг, ровно в двадцать один ноль-ноль, господин Делакруа за ужином сообщил супруге, что уходит от неё к её младшей сестре. Госпожа Делакруа, женщина горячих провансальских кровей, не сказав ни слова, взяла со стола серебряный соусник времён Второй империи и с размаху опустила его на темя мужа. Когда же на двенадцатой минуте цикла перепуганная горничная нажала кнопку бытового страхового отката и вернула обоих супругов к двадцати одному ноль-ноль — за секунду до рокового признания, — господин Делакруа, держась за совершенно целую, но зверски гудящую от фантомной памяти макушку, благоразумно промолчал про младшую сестру и вместо этого попросил передать ему салат.

Однако госпожа Делакруа, чья память в нейроякоре то-

же прекрасно сохранила предыдущий черновик, не удовлетворилась внезапной любовью мужа к листовой зелени. На следующий день она подала на развод с требованием выплатить ей отступные за супружескую неверность, о которой муж рассказал ей в отменённом будущем. В ответ господин Делакруа подал встречный иск о взыскании с жены стоимости психотерапевтической реабилитации за сотрясение мозга, которого у него физически не было, подкрепив требование тем, что само намерение изменить жене он аннулировал до пятнадцатиминутного гонга, а значит, юридически оставался образцовым семьянином.

— Понимаете, ваша честь, — говорил тогда Марк, защищавший антиквара, — если мы начнём расторгать браки за слова, произнесённые в редуцированных ветках реальности, нам придётся сажать в тюрьму каждого водителя, который в утренней пробке мысленно или вслух пожелал инспектору дорожного движения провалиться сквозь землю, а потом откатил минуту назад ради зелёного светофора. Нельзя судить человека за черновик признания, от которого он сам отказался после того, как ознакомился с рецензией супруги в виде серебряного соусника!

— Но ведь он же изменяет мне с моей сестрой в объективной реальности, ещё до всяких девяти вечера! — плакала в суде госпожа Делакруа. — Просто в первом черновике он думал, что я стерплю, а во втором решил дальше врать мне в глаза!

— Дорогая мадам, — сочувственно разводил руками Марк, — закон охраняет не искренность чувств, а целостность причинно-следственной цепочки. В первом черновике у вас было признание мужа, но его голова была пробита сосушкой. Во втором черновике его голова цела, но признания нет. Как говорил ещё в двадцатом веке физик Нильс Бор по совершенно другому поводу, вы не можете одновременно измерить координату неверного мужа и импульс серебряного сосушника с произвольной точностью: одно неизбежно исключает другое.

Судья Мейер тогда оставила оба иска без удовлетворения, обязав супругов разделить судебные издержки поровну, и Марк, выходя из зала на пятиминутный перерыв перед делом Кастеллани, в очередной раз подумал о том, какую злую шутку сыграло с человечеством открытие Юлиуса Ван дер Бекка.

Люди двадцатого и двадцать первого веков наивно полагали, что если дать человеку возможность переиграть роковую ошибку на пятнадцать минут назад, мир станет добрее, мудрее и безопаснее. На деле же исчезла сама категория трагедии — её вытеснила мелкая, расчётливая бухгалтерия обратимых подлостей. Зачем сдерживать гнев, зачем думать перед тем, как ударить или предать, если всегда можно посмотреть на реакцию жертвы, оценить стоимость последствий и, если расклад окажется невыгодным, откупиться по муниципальному тарифу и сделать вид, что ничего не было?

Именно об этом они и спорили с Ксенией Морозовой, пока шли через гулкий колонный зал Дворца правосудия к выходу на площадь.

— Ты слишком суров к своим клиентам, Левин, — усмехнулась Ксения, пряча пустой стаканчик из-под кофе в урну пневматической переработки. — Без релаксации Бекка тот же Бруно Кастеллани сегодня утром лежал бы в морге на стальном столе, а Хенрик Фогель сидел бы в следственном изоляторе следующие двадцать лет. Разве плохой мир с живым истцом не лучше хорошего мира с настоящим трупом?

— Для статистики смертности — безусловно лучше, Ксю, — ответил Марк, распахивая перед ней тяжёлую стеклянную дверь на залитую прохладным октябрьским солнцем набережную Роны. — Но посмотри, что произошло с человеческой совестью. Раньше поступок имел вес, потому что за ним стояла необратимость: слово не воробей, выстрел не вернёшь в ствол. А теперь человек превратился в вечного тестировщика чужих границ. Он пробует подлость на вкус в первом черновике, проверяет, не слишком ли дорого она стоит во втором, и только в третьем надевает маску приличия. Причём жертва всё это помнит! Мы живём в обществе, где половина людей помнит, как их близкие, партнёры или друзья предали их в отменённых пятнадцатиминутках, но по закону обязана улыбаться им за утренним тостом, потому что «в финальной ветке ничего не случилось».

«Если позволите реплику со стороны кремниевого наблю-

дателя, — заметил в наушнике Сенека, пока они садились в беспилотное такси до вокзала фуникулёра, — древнеримский юрист Ульпиан определял правосудие как неизменную и постоянную волю воздавать каждому его право. После открытия метрики Бекка формула Ульпиана уточнилась: правосудие есть искусство доказать, что подлость, совершённая в промежутке между гонгами, имела чисто исследовательский характер. Кстати, рекомендую пристегнуть ремни: водитель такси во встречном ряду только что решил проверить, успеет ли он проскочить перекрёсток на красный свет за сорок секунд до муниципального чекпойнта».

* * *

По дороге от набережной Роны к нижней станции стратосферного экспресса в Шамони беспилотное такси мягко скользило над эстакадой вдоль берега озера, где на фасадах банковских штаб-квартир светились огромные голографические табло муниципального времени. Каждые пятнадцать минут — в ноль-ноль, пятнадцать, тридцать и сорок пять — по этим табло пробегала золотистая волна синхронизации, и весь город на долю секунды словно переводил дыхание: сделки, заключённые за прошедшую четверть часа, становились необратимыми, а неслучившиеся черновики навсегда уходи-

ли в архив квантового шума.

Ксения Морозова смотрела в окно на яхты под осенним ветром и задумчиво крутила в пальцах свой криминалистический стилус.

— Знаешь, Марк, о чём я подумала сегодня в суде, когда слушала твоего Фогеля и его пострадавшего компаньона? — произнесла она. — Ведь больше всего от открытия Ван дер Бекка пострадали даже не юристы и не страховщики. Больше всего пострадала литература и человеческая память о самом себе.

Марк повернул к ней голову с интересом:

— Ты про жанр классического романа?

— Не только про жанр, — ответила Ксения. — Подумай сам: три тысячи лет вся человеческая культура держалась на понятии рокового выбора. Эдип на перекрёстке трёх дорог, Цезарь перед Рубиконом, Анна Каренина на перроне... Вся драма заключалась в том, что шаг сделан, и назад дороги нет. А как бы выглядела мировая история, если бы у древних греков или у героев Шекспира стоял муниципальный синхронизатор с пятнадцатиминутным шагом? Гамлет заколол бы Полония за ковром на одиннадцатой минуте, посмотрел, кто там упал, извинился перед Гертрудой, нажал релаксацию за счёт датской казны — и в следующей ветке вежливо попросил старика выйти из-за шторы! Никакой трагедии, никакого безумия Офелии, только административный штраф за нецелевое использование холодного оружия во дворце.

— Зато какая экономия на государственных похоронах в Эльсиноре, — заметил Марк с совершенно серьёзным лицом. — Хотя, если говорить строго юридически, главная проблема Гамлета с нейроякорем заключалась бы в другом: в первой ветке он бы заколол Клавдия на молитве, потом передумал, откатил время назад — а Клавдий-то с якорем всё запомнил! И вот сидят они за обеденным столом во второй ветке: Клавдий знает, что племянник десять минут назад проткнул его шпагой, племянник знает, что дядя знает, но посадить Гамлета нельзя, потому что на камзоле короля ни единой дырки! Вот это, Ксю, и есть настоящий театр двадцать второго века — шекспировские страсти под подпиской о неразглашении редуцированного умысла.

«Если позволите библиографическую справку, — вставил Сенека в наушниках обоих, — за последние пятнадцать лет количество преступлений, совершённых на почве ревности в первой ветке цикла, выросло в четыре целых и семь десятых раза, тогда как количество реальных разводов сократилось вдвое. Психологи Цюрихского университета называют это "эффектом безопасного катарсиса": супруги убивают друг друга в сослагательном наклонении по пятницам, выплачивают страховку и проводят выходные в полном согласии. Правда, продажи снотворного среди замужних пар выросли на триста процентов — люди боятся засыпать за две минуты до чекпойнта, когда откат уже не успеет сработать».

— Вот-вот, — усмехнулась Ксения. — Мир абсолютной

безопасности, в котором все панически боятся последних ста двадцати секунд каждой четверти часа. И именно поэтому я не верю, что сегодняшний вызов Ван дер Бекка — это просто старческая мнительность перед докладом. Старик слишком хорошо знает цену тем ста двадцати секундам, когда ластик перестаёт работать.

Глава 2. Пятнадцать минут до вечности

Стратосферный фуникулёр «Шамони — Лагранж-Альфа» поднимался по магнитной эстакаде сквозь плотную серую облачность Верхней Савойи со скоростью курьерского экспресса. Внизу, в долине, оставался мир стандартной муниципальной метрики — уютная, расчерченная на пятнадцатиминутные клеточки Европа, где каждый светофор, каждый медицинский дрон и каждый биржевой терминал жили от гонга до гонга.

Здесь, на высоте четырёх тысяч восьмисот метров, на скальном плато восточного плеча Монблана, начиналась территория особого режима.

Купол «Лагранж-Альфа» не был куполом в архитектурном смысле слова — снаружи комплекс напоминал вросший в базальт и ледник многогранник из матового титана и сверхпроводящей керамики, опоясанный тремя исполинскими тороидальными кольцами охлаждения. Над комплексом не клубился пар и не гудели трансформаторы; вместо этого воздух вокруг периметра слегка дрожал, словно над раскалённым шоссе в июльский полдень, хотя за бортом кабины термометр показывал минус двадцать четыре по Цельсию. Это была граница фазового экрана — сферической зо-

ны радиусом в восемьсот метров, внутри которой вакуумная метрика была полностью изолирована от остальной планеты.

— Ты ведь бывала здесь раньше, когда писала диссертацию у старика? — спросил Марк, глядя в панорамное окно на приближающиеся кольца криогенных накопителей.

— Три раза на третьем курсе аспирантуры, — Ксения сняла очки, протёрла линзы замшевой салфеткой и снова водрузила их на переносицу. — В городских секторах стоят обычные муниципальные контуры: один заряд релаксации на пятнадцать минут, после чего конденсаторам требуется полчаса на перезарядку от внешней сети. А здесь, в «Лагранж-Альфа», под скалой смонтирован каскадный гелиевый накопитель на восемь независимых колец.

— Восемь колец? — Марк приподнял бровь. — То есть они могут откатывать одну и ту же пятнадцатиминутку до восьми раз подряд без внешней подзарядки?

— До семи полных циклов, восьмое кольцо — неприкосновенный аварийный резерв жизнеобеспечения, — уточнила Ксения. — Ван дер Бек проектировал этот комплекс как полигон для изучения многократной интерференции памяти. Знаешь, что происходит с человеческим мозгом, если он проживает один и тот же четвертьчасовой отрезок пять или шесть раз подряд, сохраняя воспоминания о всех предыдущих попытках?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.